

ОСОБЕННОСТИ ИНФИНИТИВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Автор: Калонова Зилола Аминовна¹

Аффилиация: Преподаватель русского языка кафедры «Иностранных языков»
Международного университета Нордик¹

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.14442586>

АННОТАЦИЯ

В работе исследованию инфинитива, как зависимого, так и независимого, его морфологических особенностей и синтаксической роли в предложении посвящено немало работ, и это обусловлено тем, что, «инфинитив, в силу своей способности сочетаться со многими грамматическими категориями, выражать модальные и экспрессивные значения и выполнять различную синтаксическую роль в предложении, имеет большое значение в современном русском литературном языке» [Метлина 1953, С. 2]. Лингвисты отмечают необычность инфинитива на фоне других глагольных форм. Так, О.С. Ахманова подчеркивает, что неопределенная форма глагола, хотя и входит в состав глагольной парадигмы на равных правах со всеми другими формами, всегда выступает как наиболее «лексически свободная» форма, как наиболее «чистый» представитель лексического значения [Ахманова 1957, С. 108]. При изучении инфинитива возникает целый комплекс вопросов, касающихся его происхождения, сущности, его места в системе частей речи, синтаксической функции в предложении, конструктивных возможностей и сочетаемости с другими частями речи. Вопрос о происхождении инфинитива интересовал многих лингвистов.

Ключевые слова: работа, исследование, инфинитив, зависимый, морфологический.

Доказано, что инфинитив представляет собой форму дательного или местного падежа имени существительного с отвлеченным значением, а суффикс инфинитива -ти представляет собой окончание соответствующей падежной формы имени существительного с основой на */. Однако интересующий нас обстоятельственный инфинитив цели восходит не к древнему инфинитиву, а к другой глагольной форме - супину, достигательному наклонению, «форме, параллельной инфинитиву», по определению Л.А. Булаховского [Булаховский 1950, С. 202]. Именно данная форма употреблялась при глаголах движения для обозначения цели. Древний супин происходил из винительного падежа отглагольного существительного и поэтому имел не именное, а отглагольное управление и сочетался с существительными не в винительном, а в родительном падеже. Постепенно, как отмечает И.Я. Сахаров, «супин растворился в инфинитиве на основе общности их синтаксических функций, первоначально реализовывавшихся при разных глаголах. Утрата четких границ между группой глаголов, с которыми сочетался инфинитив цели, и группой, с которой был

соотносителен супин, привела к смешению употребления и форм инфинитива и супина. Будучи функционально более богатым, инфинитив поглотил супин» [Сахаров 1962, С. 74-75].

Изучение супина имеет давнюю традицию. Еще А.Х. Востоков исследовал супин и называл его особым видом неопределенного наклонения - инфинитива. Он писал: «Неопределенное наклонение в древнем славянском языке принимало двоякое окончание, смотря по сопровождающим оно личным глаголам. Когда личный глагол (изъявительного или повелительного наклонения) означает намерение или мысленное устремление к делу, начатие или прекращение оно, одним словом, нахождение дела под рукою, прикосновение к оному, умственное или физическое, тогда неопределенное наклонение имело употребительное и в позднейшем языке окончание -ти, -щи (в русском изменившееся на -ть, -чь). Когда же личный глагол означает шествие, течение, послание, пускание, ведение на какое-либо дело, одним словом, достижение к оному, тогда неопределенное наклонение оканчивалось на -ть, -щь» [Востоков, 1820]. Именно окончания -ть, -щь соответствовали в древнерусском языке особой глагольной форме - супину, который «был именно выразителем финальных отношений и являлся в зависимости преимущественно от глаголов, означающих движение» [Востоков 1833, С. 392]. Характеризуя язык «Остромирова Евангеля», Востоков определяет назначение в языке супина и указывает, после каких глаголов он мог употребляться, особо останавливаясь на различии между супином и инфинитивом. Он предлагает называть инфинитив «неопределенным присущего или подручного действия (то есть действия, находящегося под рукою или подлежащего совершению), или короче, неопределенным совершительным» [Востоков 1820, С. 28], а супин - неопределенным достигательным [там же, С. 28].

Постепенно с развитием языка стала происходить замена супина на -ть формой инфинитива на -ть в связи с тем, что ограниченное назначение супина постепенно растворилось в более разнообразных функциях инфинитива; к тому же для выражения цели при глаголах движения супин употреблялся не исключительно, а наряду с формой на -ть. Как отмечает Л.А. Булаховский, «исчезать супины начинают в русском, по свидетельству памятников, уже с XI века (Остромирово Евангелие), но даже в грамотах они еще встречаются до XIV века» [Булаховский 1950, С. 202].

Рассуждения о достигательном наклонении (супине) находим и у Ф.И. Буслаева, который также отмечает, что оно очень рано стало заменяться неопределенным наклонением, то есть инфинитивом, о котором лингвист писал: «Употребление неопределенного наклонения развивается в языках с течением времени в ущерб другим формам глагола. Таким образом, вместе с утратой флексий и господством отвлеченного выражения, в новейших языках возникает естественная потребность в неизменяемой и отвлеченной форме неопределенного наклонения» [Буслаев 1881, С. 28].

В связи с тем, что супин растворился в инфинитиве, целевые функции супина при глаголах движения также стал выполнять инфинитив, что еще более выделило и без того оригинальную глагольную форму. Еще М.В. Ломоносов отмечал ее индивидуальность, рассматривая ее в своей «Грамматике» как отдельное, особое,

неокончателное наклонение: «Наклонения суть три: изъявительное, повелительное, неокончателное: писать, принести, читать» [Ломоносов 1755, пар. 262].

На особенности функционирования в высказывании зависимого инфинитива одним из первых обращает внимание А.А. Потебня. В его трудах находим рассуждения о специфическом дне зависимого инфинитива синтаксической функции, которой ученый отводит «роль второстепенного сказуемого (при субъектном значении инфинитива) и второстепенного в области дополнения сказуемого - в объектном значении его» [Потебня 1958, С. 341].

В.А. Богородицкий так же, как и Потебня, различает субъективный (хочу, желаю) и объективный (прошу, заставляя) инфинитивы, но синтаксическую роль инфинитивных форм в предложении он не обсуждает [см.: Богородицкий 1904, С. 169].

Д.Н. Овсяннико-Куликовский считает, что инфинитив является только сказуемым, потому что он не может обозначать предмета, быть в предложении объектом, а, следовательно, и дополнением: «Раз мы приняли, что инфинитив есть глагол, то этим самым признали его способность, его призвание быть сказуемым» [Овсяннико-Куликовский 1912а, С. 89].

Проблема синтаксического функционирования инфинитива в дальнейшем рассматривалась неоднократно [см.: Бадалбейли 1975, Белевицкая-Хализева 1959, Богданов 1980, Бондаренко 1979, 1981, Бондаренко 1988, Брицын 1990, Виноградов 1950, 1975а, 1975б, Воинова 1966, Дибров 1959. Из трудов А.А. Шахматова по современному русскому языку 1952, Лекант 1976, Малаховский 1924, Метлина 1953, Моисеев 1952, Москвин 1993, Петерсон 1923, 1941, Сахаров 1962, Тимофеев 1950, Чиликина 1965, Чыонг 1978 и др.]. Многие лингвисты уделяли внимание зависимому положению инфинитива. А.М. Пешковский, рассуждая о зависимом инфинитиве при глаголах любой семантики, предлагает называть его второстепенным (зависимым) сказуемым [Пешковский 1939, С. 312-315]. А.А. Шахматов также интересуется функцией зависимого инфинитива в предложении. Он дает инфинитиву наименование дополнительного глагольного члена. Характеризуя конкретные случаи употребления «дополнительного глагольного члена», он указывает на специфические особенности его функционирования: «Мы различаем употребление инфинитива после глаголов переходных (на месте прямого дополнения) и употребление инфинитива после глаголов непереходных. В последней функции инфинитива выделяется его употребление после глаголов движения: инфинитив восходит здесь к достижательному наклонению (супину)» [Шахматов 1941, С. 462]. Вслед за Потебней Шахматов различает субъективное употребление инфинитива (инфинитив вызывает представление о производителе действия) и объективное (инфинитив имеет значение объекта).

В последующем лингвисты также по-разному оценивали возможности инфинитива выполнять в предложении различные синтаксические функции. Однако большинство признает за инфинитивом способность выступать в роли всех членов предложения. Исследователи учитывают, как происхождение инфинитива, так и его нынешнюю морфологическую принадлежность, отмечая, что «глагольный характер инфинитива выражается в том, что он может быть

компонентом сложных глагольных или именных сказуемых, а именной характер - в том, что он способен выполнять функции несогласованного определения, обстоятельства цели и т.д.; то есть функции, которые обычно выполняют существительные». В работах, посвященных анализу общей специфики синтаксической роли инфинитива, его функции делятся на зависимые и независимые. При этом «независимыми считаются функции подлежащего и сказуемого двусоставного предложения, и вершины односоставного, а зависимые именуют терминами второстепенных членов: определения, дополнения, обстоятельства».

На наш взгляд, невозможно говорить о полном тождестве инфинитивных синтаксических конструкций (имеющих значение, в частности, обстоятельства и дополнения) и синонимичных им именных, где в роли второстепенных членов выступают существительные, местоимения и наречия. Этим, очевидно, следует объяснять достаточно узкие, по сравнению с именами, возможности функционирования инфинитива в роли дополнения или обстоятельства. В частности, при выражении инфинитивом обстоятельственных отношений речь идет лишь о целевой семантике инфинитива, хотя иногда в подобных сочетаниях он может указывать на направление действия и иметь, следовательно, локальное значение [см. об этом: Ермакова 1955, Сахаров 1962].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ЛИТЕРАТУР

Метлина 1953 - Метлина Н.А. Независимый и зависимый инфинитив и его синтаксическая роль в предложении современного русского литературного языка: Дис. ...канд. филол. наук. – М., 1953 – С. 2.

Ахманова 1957 – Ахманова О.С. Очерки по общей и русской физиологии. – М., 1957 – С. 108.

Булаховский 1950 – Булаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. – Киев, 1950 – С. 202

Сахаров 1962 – Сахаров И.Я. Инфинитив как обстоятельство (к постановке вопроса) // Вопросы современного исторического синтаксиса русского языка: Ученые записки ЛГПУ им. Герцена – Т. 225. – Л., 1962 – С. 74-75.

Востоков 1833 – Востоков А.Х. Русская грамматика, - Петербург, 1973 – С. 392

Востоков 1820 – Востоков А.Х. Рассуждение о славянском языке // Труды общества любителей российской словесности. – Спб, 1820 – С. 28

Буслаев 1881 – Буслаев Ф.И. Опыт исторической грамматики русского языка – М., 1881 – С. 28

Ломоносов 1755 – Ломоносов М.В. Российская грамматика. – М., 1975 – Пар. 262

Потебня 1958 – Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т.1, 2. – М., 1958 – С. 341.

Богородицкий 1904 – Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. – М., 1904 – С. 169

Овсянико-Куликовский 1912а – Овсянико-Куликовский Д.Н. Практический курс синтаксиса русского языка. – М., 1912 – С. 89.

Бадалбейли 1975 – Бадалбейли Р.Ш. Глагольно-инфинитивные сочетания в современном русском языке: Дис., ...канд. филол. наук. – Баку, 1975

Пешковский 1939 – Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1939 – С. 312-315.

Шахматов 1941 – Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Л., 1941 – С. 462.

